

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Драконяца
для ОТШЕЛЬНИКА

Мария Зайцева

Драконяша для отшельника

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67983027
2022

Аннотация

Я оказалась заперта в одном доме с мрачным отшельником. Он грубиян, хам и редкостный придурок.

Одно радует, приставать не будет, потому что женщин не любит...

Или... Любит?

Слишком взгляд у него в последние дни плотоядный...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мария Зайцева Драконяша для отшельника

Пролог

Демон, контрольно глянув по сторонам, коротко стукнул три раза и длинно два по металлической двери.

На удивление, звук получился глухой, словно там, за плотным железным листом, была ватная прослойка.

В ожидании, пока дежурный удостоверится, что пришли свои, Демон развернулся к зеленым хищным дебрям, бывшим когда-то нарядными русскими березками.

Не особо много времени с тех пор прошло, и пальцы даже помнили еще шершавость и тонкость белых, с прорезями черноты, стволов, но теперь Демону даже в пьяном угаре не пришло бы в голову касаться этих деревьев.

Да и ходить рядом следовало с опаской.

Он переступил с ноги на ногу, показательно закинул на плечо короткоствольный МР-5, доставшийся ему по великой удаче, выдохнул сигаретный дым и подмигнул камере, бесстрастно изучавшей его.

За пределами пяточка, специально вытоптанного для

безопасности около двери, было сумрачно. Ночь же, вон, уже луна вылезла... Сразу на полнеба, сука, яркая такая, глаза слепила, бесила.

Неподалеку завыл волк.

Демон опять покосился на зрачок камеры, оскалился:

– Ну давай, бля! А то развернусь и свалю!

Естественно, угроза была пустой, никуда бы он на ночь глядя не свалил, не дурак же. Но с той стороны так не думали.

Наверно, даже были уверены, что Демон, безбашенный охотник, бесконечно мотающийся по просторам родной страны – редкостный дурак.

Кто, кроме дурака, будет подвергать свою жизнь постоянному риску?

Щелкнул замок, дверь приоткрылась ровно настолько, чтоб хмурый Демон мог протиснуться, с риском ободрать разгрузку.

– Поздно сегодня, – проскрипел Старик, изучая охотника не по возрасту острым взглядом, – уже все на ночь закрыл.

– И тебе привет, Старик, – хмыкнул Демон, – Март на месте?

– А где ему еще быть? Уже ждет. Принес чего?

– Не твое дело. Белянка где?

– Спит уже.

– Ну ничего. Разбудим.

Старик еще больше нахмурился, открыл щербатый рот,

явно планируя что-то сказать неприятное, но Демон не стал слушать.

Двинулся вперед по узкому коридору. По пути следования вспыхивали и гасли лампы, а шаги гулко отдавались в пустом бетонированном склепе, где вот уже десять лет жила семья Марта, на редкость удачливого сукиного сына, умудрившегося во время Большой Жопы не только свалить сюда, в безопасное, полностью автономное бомбоубежище, оставшееся еще с Великой Отечественной, и народ привести, но и за все время существования тут сохранить хотя бы подобие человеческого общества.

Конечно, с поправками на свою паранойю и маниакальность, но во многих вещах эти качества очень даже выручали в нынешней жизни.

Демон без стука завалился в комнату Марта, где раньше, наверно, располагался кабинет начальника штаба, или что тут должно было быть при эвакуации? Развалился на диване, оставшемся от тех же времен, не особо удобном, кожаном, с высоченной резной деревянной спинкой, нахально закинул ноги на мелкий столик возле.

Прикурил. Выдохнул дым. Усмехнулся.

Март, высокий, худой, как жердь, мужик неопределенного возраста, так, что и сорок ему можно было дать, и все шестьдесят, хмуро проследил за телодвижениями гостя, но от своего стола, за которым сидел и, судя по всему, что-то писал, не встал.

– Принес чего?

– Каждый раз поражаюсь, какие вы, бляха, все тут вежливые, – выдохнул дым Демон, – обосраться и не жить...

– Ну? – Март был привычен к манерам гостя, а потому вообще не среагировал, просто додавливал на информацию.

– Белянка? – парировал Демон, буровя хозяина жестким взглядом, за который он, собственно, когда-то, еще во времена до Большой Жопы, и получил свое прозвище.

– Сначала покажи.

– У нее... Никого не было? – Демон очень постарался, чтоб голос его не дрогнул. Очень постарался.

– Как и договаривались. Но я могу и передумать.

– Сука ты, Март...

– Как и ты. Доставай.

Демон скинул ноги со столика, порылся в многочисленных карманах и бросил на стол пару длинных брикетиков с блистерами таблеток.

Март, неожиданно дрогнув лицом, протянул руку к одному из блистеров. Прочитал название.

– Откуда... Как...

– Места знать надо, – довольно оскалился Демон, – так я пошел?

– Она спит уже...

– Разбужу.

Он встал и, не прощаясь и даже не глядя больше на Марта, вышагнул за порог. За его спиной раздался тихий взвол-

нованный вздох. Это Март, наверно, ампулы нашел во втором свертке.

Демон шел, показательно неторопливой походкой, с внутренним нетерпением отсчитывая нужную дверь в длинном коридоре, и думал, что, пожалуй, сейчас он живет даже лучше, чем до Большой Жопы.

Ну вот кем он был тогда? Обычным восемнадцатилетним придурком, мотающимся по улицам спального района в поисках пожрать и где-нибудь приткнуться поспать. У этого придурка было вполне определенное будущее: кража, зона, смерть. Или ширево, кража, зона, смерть. Без шансов выбраться.

А сейчас у него было положение в обществе, уважение, почет даже. Много нормальной еды, всегда крыша над головой, потому что в любой семье рады охотнику. Интересная, пусть и полная опасностей жизнь.

Он веселился, гулял, ощущал себя вполне нужным и добившимся всего.

А еще он трахал маленькую нежную блондиночку с пухлыми губами. Не так часто, как хотелось, но каждый раз, когда появлялся в семье Марта.

Жизнь удалась...

– Жорик! Жорик! Сидеть! Сидеть, кому говорю! – звонкий голос со двора заставляет отвлечься от экрана и кинуть взгляд в окно.

Я выдыхаю, откидываюсь на спинку стула, прикуриваю, прикидывая, перечитывать то, что написал, или дать отлежаться? Опыт подсказывает, что надо бы отпустить. Пусть повисит текст, немного хотя бы.

А потом уже можно перечитывать и спокойно править. Или вообще все, к херам, удалять.

А вот внутреннее чутье орет, что надо продолжить, пока настрой есть. А то потом опять...

Я решительно придвигаюсь опять к ноуту, но со двора доносится веселый лай безмозглого существа, почему-то называемого собакой, и ему вторит веселый смех не менее безмозглого существа.

Безмозглого, но красивого.

Настолько, что сам не понимаю, почему вместо экрана плясую на длинные ножки в шортиках, больше похожих на трусы, и отслеживаю мотания светлого, высоко повязанного хвоста волос.

Поймав себя на позорном отвлечении, смаргиваю, ругаюсь сквозь зубы, опять возвращаюсь к тексту...

– Жорик! Взять!

За окном бестолковая девка кидает мелкой твари, похожей на трясущуюся крысу, палку, и та с визгом несется ее ловить.

А девка пищит и подпрыгивает на месте, хлопая в ладоши.

Ее грудь, вообще не скованная ничем, кроме тонкой трикотажной майки, подпрыгивает вместе с ней. Задорно так.

Опять смаргиваю, опять матерюсь.

Выдыхаю.

И решительно захлопываю ноут.

Разворачиваюсь полностью к окну, ощущая себя престарелым извратом, наблюдающим через ограду за молоденькими студенточками, играющими в волейбол, и пялюсь на лужайку собственного дома, где моя постоянная теперь проблема, бестолковая, бессмысленная драконяша, как ее охарактеризовал придурок Конь, подсунувший мне этот геморрой, играет с такой же бессмысленной тварью – мелкой, лысой, похожей на крысу, псиной.

Разглядываю длинные ноги от ушей, золото волос, переливающихся под солнцем, порозовевшие щеки, губы, пухлые, влажные... сука...

Жизнь Демона явно счастливей моей.

Он свою Беляночку хотя бы трахает...

Глава 1

– Это, блять, что? – смотрю на черную, угольную просто сковородку, с такими же углями внутри, потом перевожу взгляд на немного краснеющую Драконяшу. Н-да, совесть имеется все-таки, пусть и в зачаточном состоянии, но покраснела же! Значит, понимает, что сделала... Или догадывается. Хер там этих баб разберет...

– Яичница, – несмело отвечает вредительница, а затем поднимает взгляд.

И меня в очередной раз вштыривает не по-детски.

Глаза у нее, как у куклы, голубые и бессмысленные. Полностью отражающие ее суть.

Что не мешает им быть нереально залипательными.

Хочется смотреть и смотреть...

Бред.

Моргаю, не выдерживая девственной идиотической голубизны, скалюсь:

– Где, бля? Яичница? А ты в курсе, что у яичницы обычно в составе... яйца?

– Так вот они... – пухлые губки показательно подрагивают... И внизу у меня тоже все... Подрагивает, блять. Поднимается. Как можно так реагировать на что-то настолько бессмысленное? Сам от себя не ожидал...

– Где? – терпения мне, терпения побольше. А то не вы-

держу же...

Прикрываю веки, старательно не думая, что будет, если не выдержу. Не думая. Не представляя, как отшвыриваю, ко всем херам, в сторону эту черную хрень в ее ручках в угол кухни и впиваюсь в влажные пухлые губешки так, чтоб поглубее, чтоб вскрикнула от боли и застонала. И, возможно, заколотила меня по плечам своими лапками... Кайф же... А-а-а, бля! Подумал все-таки!

– Вот... – бесхитростное, все же, создание. Другая бы от одного только тона на дыбы встала или испугалась... Смотала от греха подальше. А эта дура стоит тут, ресничками своими хлопает...

– Это – угли, – терпеливо поясняю я очевидные вещи, – и испорченная сковородка. Кстати, дорогая. Ты мне теперь десять косарей торчишь.

– Что? – губешки складываются в пухлое «О», и я, мысленно приказывая всему внизу лежать, молча разворачиваюсь и сваливаю как можно быстрее по направлению кабинета.

По пути наступаю на проклятую вездесущую крысу, через мгновение – в лужу, потому что крыса реально везде-ссущая, тварь, скриплю зубами, но сдерживаюсь! Сдерживаюсь, блять! И старательно... Что? Правильно. Старательно НЕ думаю, что будет, если вдруг вернусь и молча завалю эту гребанную драконяшку на кухонный стол. Раздвину ей ноги, длинные, ровные, с красивыми круглыми коленками и тон-

кими щиколотками... Нахера мне эти наблюдения, не знаю, но да, я в курсе и про круглые коленки, и про тонкие щиколотки... Раздвину, а потом... Потом тупо выебу ее, верещащую, кричащую и, возможно, царапающую мою спину в протесте... Кайф же... Блять! Опять подумал!

– Зачем вы... Жорик же просто поиграть хотел! – обиженно говорит мне в спину Драконяша, и ей вторит жалобный скулеж крысы.

Не отвечаю, не задеживаюсь, иду в свой кабинет... И что еще? Правильно. Сдерживаюсь.

В кабинете с размаху пинаю крутящееся кресло, больше похожее на капитанское место в космолете, удобное, с крутейшей поддержкой спины, шеи и всего, чего возможно... Жаль, мозги не поддерживает. Мне бы не помешало.

Подхожу к окну, пялюсь с остервенением на зеленую яркую лужайку у дома.

Моего дома.

Моего, блять, идеального дома, где все сделано по моему проекту, так, как мне удобно...

И который в последние три дня превратился в минное поле, пополам с комнатой страха. Потому что не знаешь, где тебя поджидает очередной взрыв и сколько седых волос прибавится на твоей башке из-за этого всего...

Ну спасибо тебе, Конь, удружил...

Закуриваю, пытаюсь успокоиться и мысленно возвращаясь к самому началу этой глупой истории, из-за которой все в моей, такой налаженной, такой клево́й и вполне устраивающей меня жизни стремительно понеслось в жо́пу.

Мой приятель еще со времен детства голожопого, Борька Константинов, носящий вполне говорящее погоняло «Конь», всегда был пронырливым и удачливым засранцем.

То, что другим приходилось добывать потом и кровью, ему доставалось с полпинка.

Когда я не поступил на юридический и свалил в армию, Конь с первого раза спокойно попал туда, куда хотел, на журналистику.

Когда я вернулся из армии, с голым задом и стремлением заработать, чтоб этот зад прикрыть, Конь уже всю делал бабки, кропая статейки в интернет-газетенки и мотаясь по всяким злачным местам с журналистской аккредитацией.

Когда я, поступив заочно на юридический, пошел в полицию, Конь уже успел сгонять в командировку в парочку горячих точек, написать несколько достаточно громких статей и заполучить уважение за острый язык и правдивость изложения информации. Ну и еще за то, что нихера ничего не боялся никогда.

Мы связь не теряли, тем более, что родители наши остались жить в том же самом дворе, откуда мы вылетели в большой и страшный взрослый мир, и матери общались даже

немного, как хорошие соседи.

Конь периодически появлялся на моей орбите, особенно, когда начал писать по криминалу, ездил с нами на вызовы даже, и вполне вписывался в компашку вечно заюженных оперов.

Потом, когда я все же решил, что карьера в полиции меня не прельщает, и свалил на вольные хлеба, Конь периодически обращался ко мне за помощью.

Я не отказывал, потому что он долги всегда возвращал. Да и вообще... Из детства только он и остался. Мы ходили в один детский сад, потом – в школу... Роднее него были только родители мои.

Когда примерно неделю назад Конь звякнул и попросил узнать кое-что про одну женщину, я только поржал, но просьбу выполнил.

Женщина оказалась с сюрпризом, такая ходячая проблема, о чем я честно Борьку предупредил. Ну и вообще, слегка заперевивал за него.

Коня, так-то, бабы всегда любили, таких обаятельных улыбчивых придурков легко в постель пускают... Но два года назад его подружка неожиданно кинула его и свалила за границу, шустро устроив личное счастье.

А Конь остался здесь, в стойле, с грустной, обиженной мордой.

Подружка эта, судя по всему, его нехило зацепила, потому что приятель мой два года переживал, вытворяя все,

что обычно вытворляет обиженный, разочаровавшийся в бабах мужик. То есть, жрал все, что горит и трахал все, что шевелится.

Потом сдернул куда-то отдыхать, а, когда вернулся, то... То попросил меня выяснить все про совершенно левую бабу какую-то.

Интерес говорил об общем выздоровлении Конячьего организма и мозгов и избавлении от морока обиды, потому я сначала обрадовался. Правда, потом, когда узнал побольше про объект его интереса, напрягся.

Непростая баба. Опасная. Надо таких стороной обходить.

Попытался донести эту информацию до приятеля, но тот уже вперся. Сразу мордой по самые уши. Сделать ничего не было возможности.

Оставалось только наблюдать. И, готовиться к тому, что, когда Коняшку опять кинут, нужно будет его отпаивать от стресса.

Но ожидания мои не оправдались, потому что три дня назад Конь опять позвонил, попросив об услуге, и...

И привел на встречу не только свою бабу, которая, походу, смирилась с его напором и раздвинула-таки ноги, но и вот это длинноногое... Существо. Младшую сестру его бабы.

Драконяшу.

Я только раз глянул на нее и сразу понял: будут неестественные проблемы.

Ну что тут скажешь...

Чуйка меня не подвела.

Проблемы проявились сразу.

И нет, слово «неебические» – вообще не то, что характеризует происходящее. Очень, просто очень слабо сказано.

Глава 2

Размышления и попытки привести себя в привычное похеристическое состояние прерывает тихое поскребывание в дверь.

Раздраженно рычу, сам себе в этот момент напоминая дикого людоеда или зверюгу в берлоге.

Но деваться некуда, надо реагировать, потому что, помимо прочего, в числе активно юзаемых недостатков мелкой Драконяши значатся абсолютная бесцеремонность, настырность и склонность к нарушению личного пространства.

Чуть зевнешь – а оно уже рядом. Лапки свои тянет. Провоцирует.

Конь божился, что у девки птср, чего-то там с ней сделали нехорошее в Аргентине.

Но какой там, ко всем херам, птср?

Видел я людей с птср, эта беда ходячая вообще ни одним боком рядом не лежала.

И потому большие у меня сомнения насчет слов Коня и насчет ее опыта заграничного.

Так-то, история ее вполне прозрачная.

Девка разругалась со своим парнишкой, на эмоциях решила всем доказать, что уже взрослая и можно все, подписала какой-то левый контракт в какой-то левой фирмешке и уехала в красивую страну в Латинской Америке. Танцевать,

типа.

И так бы и пропала она там, безумная наивная матрешка, если б не свезло ей с сестренкой.

Сестренка эта, боевая зараза, вместо пустых стенаний и заламываний рук, сделала все, чтоб вытащить свою младшенькую дуру из постелей горячих аргентинских мачо. Поехала туда сама, выбила коридор для возвращения, умничка такая... И все у нее получилось, хоть и авантюризмом попахивает. Сумасшедших любит бог, да?

Мало того, что драконяшу спасла, так еще и Коня, который в то же самое время в той же самой Аргентине удачно пропивал последние мозги, приворожила. Он охерел от счастья, вцепился в нее зубами, руками и всеми прочими выступающими частями тела, и повис, как конский клещ на жопе.

Содрать его у боевой сестренки не получилось, и, судя по бешено горящим глазам приятеля, не получится.

Такой взгляд я у него знаю, наблюдал.

Попала длинноногая ниндзя, к гадалке не ходи.

Так что все, в итоге, все в выигрыше.

Коняшка – получил красотку, умницу и боевую подружку в постель, сама боевая подружка – преданного мужика и защиту, а ее безумная сестричка – избавление от проблем, которые с огромным энтузиазмом наживала на свою круглую жопку.

И только товарищ Буров в полете.

От всех огребает.

От Коня – если не убережет мелкую.

От белокурой ниндзи – если обидит мелкую.

От приятелей мелкой – если они ее найдут и потребуют себе, а он не согласится отдать...

И от взбесившегося организма, которому срочно надо попасть одной твердой частью в эту самую мелкую. И из-за невозможности это сделать – организм мстит постоянным неуместным стояком и отсутствием вдохновения.

А, да!

Еще и издатель почти всю засрал вопросами про сроки сдачи рукописи! Еще и от него огребают товарищ Буров.

Весело...

И вот как в такой ситуации не запить?

Рука сама тянется в барчику, но в дверь опять скребутся, уже настойчивей, и приходится реагировать.

– Какого хера надо? – вежливо интересуюсь я у пока еще закрытой двери, – нахер пошла!

Но дверь не реагирует на мою просьбу, открывается.

Появившаяся на пороге Драконяша никак не желает замечать моих налившихся кровью глаз, смотрит в пол, переминается на своих тонких копытцах.

Зубастая крысна в ее лапках тянет носом воздух и, сморщившись, чихает.

Ну да, тут тебе не там. Тут я живу, вообще-то! И пишу! И иногда пью. Ну ладно, не иногда. Но это – мое личное дело!

– Крысу эту убери, – рычу я раздосадованно, – пока не

заблевала мне тут все!

– Я вам там... Салатик приготовила, – мямлит Драконяша, а затем поднимает на меня свои голубые озера. И я залипаю. Опять. Опять, блять!

У нее глаза... пиздец, никогда таких не видел!

Огромные и светлые. Чистые такие, прозрачные.

Ни одного проблеска интеллекта.

Ни одной мысли.

Сплошная незамутненность.

Конь говорил, она школу с золотой медалью... И на филологическом курсе проучилась...

Ощущение, что о каком-то другом человеке говорил.

– С авокадо и редисочкой, – продолжает она, ресницы хлопают, а я дергаюсь, приходя в себя.

– Чего? – рычания, отпугивающего всяких идиотов, не получается, только сип невнятный. – Редисочкой?

– Ну да, – радостно кивает Драконяша, а ее крыса согласнo пищит, – и сметанкой! Вкусно!

Мой мозг отказывается воспринимать информацию про авокадо в сочетании с редисочкой под сметаной. Потому что, во-первых, непонятно, откуда у меня в доме завелось авокадо, во-вторых, редисочка. Насчет сметаны есть предположения, что-то такое уже две недели на нижней полке в холодильнике валяется... Но жрать его нельзя, если жить хочешь, конечно же.

– Откуда... Все? – так... Связность речи тоже пропада-

ет... Прям пиздец пиздецовый...

– Так Вера Львовна же приходила вчера, – все так же радостно хлопают реснички, – сказала, детокс у вас.

– Чё у меня? – сип переходит в хрип. Львовна, не иначе, спятила на старости лет...

– Детокс... – пожимает плечами Драконяша, – она говорит, вам надо рукопись сдавать... И нельзя пить. Потому она убрала спиртное и оставила полезные продукты.

Сердце сбоит, я делаю шаг к бару, раскрываю его неверными пальцами... И замираю.

Моей выпивки нет. Ничего нет.

Ни коньяка, который я не уважаю, но на безрыбье и коньяк – пойло.

Ни водки, которую я не люблю, но лучше нее ничего не прочищает чакры.

Ни сладкой хуйни, которая стояла тут с незапамятных времен и спаивалась понемногу жрицам платной и дико дорогой любви.

Даже содовой нет!

Надо будет в холодильник глянуть, может, и кефира нет? В нем же тоже градус?

Молча изучаю пару минут непотребно пустые полки, с треском захлопываю дверцу бара.

Отворачиваюсь от активно изучающей обстановку кабинета Драконяши. Глазки ее светятся неподдельным любопытством, потому что за три дня своей жизни в моем доме,

тут она – впервые.

Достаю телефон, набираю Львовне. Сейчас я эту старую курицу... Блять, разделаю на цыпленка табаки.

– Антоша, – с места в карьер начинает Львовна, явно задницей чувствуя беду и интенсивно подстилая себе соломки, – Виталий Борисович лично приказал...

– Вера Львовна... – я лагаю, как старый пентиум, кашляю, но справляюсь с собой, – мне глубоко похер на приказы Витали, ясно? Ты, Вера Львовна, моя домработница. Я тебе плачу бабки. Какого хера какой-то хер тебе приказывает, что делать в моем доме?

К концу фразы я вхожу в голос и, уже не сдерживаясь, гремлю на всю комнату.

– Так, а ну не ори на старушку, Антон! – тут же строжает Львовна, моментально напоминая мне, что в прошлом она – майор милиции. Именно милиции, а не полиции, а это – много говорит о человеке. – Тебе надо сдавать книгу. Все сроки просрал. К тому же, у тебя в доме теперь ребенок. И животное. И им совсем ни к чему еще одно животное рядом, понятно?

– Львовна, – ласково рычу я, – я ведь тебя уволю...

– Попробуй, Антоша, попробуй... – так же ласково, в тон, отвечает мне старая перечница, – а я посмотрю, через сколько часов, заметь, Антоша, не дней – часов, ты попросишь вернуться...

– Слишком ты нахальная стала, Львовна, – хриплю я, при-

кидывая, что будет, если она вдруг откажется у меня работать, и внутренне содрогаясь от одной только мысли об этом.

– Это ты, Антоша, стал много пить. Тебе книгу сдавать. Виталий Борисович расстраивается, что ни дозвониться, ни дописаться не может до тебя... И ребенку нечего плохой пример подавать... Она и без того нахлебалась...

Рычу, отрубая связь.

Слушать проповеди за свои бабки от своей же доработницы... До чего ты дошел, Буров?

Понимаю, что придется это проглотить все же.

С людьми я схожусь очень плохо, и они платят мне взаимностью.

Львовна, при всей ее нетолерантности ко мне лично, бесценный кадр.

Спокойная, с крепкой психикой, чисто плотная и вкусно готовит жрать то, что я люблю. Не болтает, не сплетничает, блюдет коммерческую и личную тайны.

Терпит мои заскоки, хотя, какие у меня там заскоки?

Я же практически ангел, блять!

Правда, до нее ни одна домработница и недели не держалась.

А Львовна уже четвертый год тут. Приходит три раза в неделю, делает свои дела, в мои не лезет... До сегодняшнего дня.

Она мне один раз даже жизнь спасла, вызвала скорую, чтоб меня откапали и вернули в реальность. После этого слу-

чая я сдерживаю свои порывы. Немного.

– Ой, какая прикольная штука! – голос Драконяши, о присутствии которой я успеваю забыть в запале, заставляет замереть, а затем резко развернуться. И опять замереть. – А это копьё, да?

В руках у безумной девки боевой дротик индейцев навахо. Его преподнес мне один из читателей на какой-то очередной издательской тусне. Этот мужик клялся, что конец дротика измазан слизью южноамериканской лягушки. На минуточку, самой ядовитой твари на планете...

Глава 3

– А почему такой маленький? – она не смотрит на меня, а то бы давно уже забила тревогу, потому что, сто процентов, моя рожа сейчас – реальный стоп-сигнал. И, наверно, даже цвета такого же. Красного, блять. Но Драконяха пялится на дротик, вертит его так и эдак, ее псина вошкается где-то под нашими ногами...

А я лихорадочно прикидываю, как у нее эту хрень забрать и не дать уколоть палец.

А то будет у меня тут мертвая царевна. Совсем мертвая. Никакой Елисей не спасет...

И вот только не надо меня спрашивать, какого, собственно, черта дико опасная вещь валяется в свободном доступе?

Во-первых, мой кабинет. В моем доме. Что хочу, то и держу. И как хочу, так и держу. Львовна здесь вообще только полы протирает, а мебель не трогает ни под каким предлогом. Хотя, вон, бар вынесла, старая карга... Но это – исключительный случай. К тому же, она – умная бабка, знает, что можно трогать, а чего ни в коем случае касаться нельзя.

И во-вторых, этот дротик лежал себе спокойно в шкафу. Закрытом, бляха! Закрытом шкафу!

Это надо особым складом ума обладать, вернее, того, что заменяет этой блонди ум, чтоб залезть туда, куда не нужно!

Пока я обмираю от ужаса, прикидывая собственный полет через стол к ненормальной девке, она, наконец, соображает поднять на меня взгляд.

Ну и, видимо, зачатки интеллекта и самосохранения срабатывают, потому что она замирает, ошарашенно смотрит то на меня, то на дротик в своих руках.

Еще шире распахивает глазки, раскрывает ротик в удивленном «О», отставляет немного руку с оружием в сторону...

И в этот момент я резко перегибаюсь через стол и что есть силы луплю по тонкому запястью.

Дротик вылетает из пальцев и скрывается в дальнем углу комнаты. Машинально прислушиваюсь, с некоторой надеждой ожидая визга лысой крысы. Ну мало ли, вдруг мне свезло, и она там устроилась, на свою беду и мое счастье?

Но визга нет, смотрю на Драконяшку, с изумлением и ужасом кривящую рот, вздыхаю.

Бляха, надо успокаивать грядущую истерику...

И не напиться потом ведь, главное!

Одни проблемы, одни гребанные нервы...

– Не реви, – первым делом говорю девчонке, и она, естественно, тут же начинает плакать.

Да так, что я в очередной раз засматриваюсь.

Есть же люди, которым слезы идут!

Драконяша, похоже, именно из числа таких вот.

Слезы появляются на ее глазах. Чистыми, прозрачными каплями текут по щекам, попадают на губы, делая их еще

пухлее, еще сексуальнее...

Хочется ее утешать.

И не просто утешать, а действием прямо. Обнимать, трогать губами эти прозрачные соленые капли... Почему-то мне кажется, что они сладкими будут на языке, с ароматом и вкусом ее кожи. И ее губ.

А потом...

Короче, прихожу я в себя, уже обнимая безудержно и испуганно рыдающую девчонку. Сам не понимаю, как так произошло, даже оглядываюсь с изумлением, поражаясь кратковременной потере памяти. И выпадению из реальности.

Потому что нихрена не помню момент перемещения в пространстве.

Вот только-только стоял с другой стороны стола, пялился на ее стремительно краснеющую руку, по которой пришелся удар, отслеживая каждую слезу, катящуюся по гладким щекам...

А потом – бац! И я уже здесь!

Рядом стою! Обнимаю!

И, надо сказать, дико кайфую от этого действия.

Прикольное ощущение: она плачет, ей больно, а я... Я хочу, чтоб это длилось подольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.